

лизовал несколько способов оценки меж- и внутригрупповой изменчивости и пришел к выводу об относительно слабой вариативности признаков тагарской серии в целом.

Не оставлен без внимания и уровень различий между морфологической изменчивостью мужских и женских групп тагарцев. По ряду краниометрических признаков автор получил конкретные статистические показатели о степени сходства или различия между ними. Однако вопрос о причинах несоответствий между мужскими и женскими группами остается в работе открытым.

Значительное место в главе отведено фактору изменчивости тагарской серии во времени. Правда, среди археологов нет еще единой периодизации тагарских памятников, однако автору удалось указать различия общетагарскую культуру по двум вариантам на два периода. На основании статистических расчетов тагарских серий по хронологическим этапам автор обнаружил реальные «эпохальные» изменения в физическом типе местных населения, заключающиеся как в перестройке тагарского комплекса в целом, так и в формировании отдельных локальных особенностей.

Методика изучения тагарской краниологической коллекции по территориальному принципу хорошо продумана: весь материал распределен по шести географическим зонам. Шесть выделенных групп составлены при помощи однофакторного дисперсионного анализа по 32 краниологическим признакам. Такой статистический прием вполне оправдан для выявления закономерности в пространственном распределении краниологических признаков. В связи с территории Минусинской котловины географическая изменчивость тагарской серии выражена слабо. Поэтому автор правильно указывает, что ни Енисей с притоками, ни какие-либо другие естественные рубежи не представляли непреодолимых преград при заселении данного региона (стр. 49).

Отметим также, что А. Г. Козинцев изучил тагарскую серию с учетом различных типов вооружения в погребениях. Как известно, некоторые археологи предполагали, что в погребениях со стрелами были захоронены потомки андроновцев, а в погребениях с кинжалами и чеканам — потомки карасукцев и лугавцев. На основании сопоставления черепов из погребений с разным видом вооружения автор делает вывод, что ни сочетание краниологических признаков в обеих группах, ни направление различий между ними не согласуются с гипотезой об андроновском и карасукско-лугавском компонентах (стр. 51).

В последней, четвертой главе книги подведены итоги исследования антропологической структуры тагарской серии заселения на основе краниометрических признаков мужских серий черепов. Автор подробно рассмотрел суммарные различия у 30 мужских групп и степень их связи между собой. Полученные выводы, хорошо иллюстрированные цифрами, таблицами и графиками, приближают исследователей к решению ряда проблем этногенеза древних племен Южной Сибири.

Очень интересен и вопрос о монголоидной примеси в антропологическом составе тагарцев. В целом автор правильно отмечает сложность инфильтрации монголоидных элементов в тагарскую среду.

Завершают книгу достаточно обоснованные и хорошо продуманные выводы автора об антропологическом составе и происхождении населения тагарской культуры.

В заключение особо следует подчеркнуть, что книга А. Г. Козинцева является, несомненно, фундаментальным исследованием по антропологии древних насельников Южной Сибири и вносит весомый вклад в палеоантропологию СССР.

О. Исмагулов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Eugeniusz Iwaniec. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII—XX w. («Prace Białostockiego towarzystwa naukowego», № 23). Warszawa, 1977, 295 s.

Изданное в 1977 г. в Варшаве в «Трудах Белостокского научного общества» фундаментальное исследование Е. Иванца посвящено разносторонней характеристике русского старообрядчества в Польше.

Исследованием было охвачено старообрядческое население районов Сувалки и Мазуры; изучалась история старообрядческих районов на землях бывшей Речи Посполитой. Хронологически книга Е. Иванца включает всю историю польского старообрядчества от его возникновения до наших дней, к тому же в двух вводных главах рассматривается о возникновении раскола после реформы русской церкви в середине XVII в. и о появлении в конце XVII — начале XVIII в. основных направлений старообрядчества. Историческое исследование сочетается с детальнейшим этнографическим анализом как материальной, так и духовной культуры, наблюдениями над старообрядческим искусством. Из предисловия к книге следует, что изучение польскими учеными старообрядчества включает также систематические языковедческие наблюдения, хотя в рецензируемой монографии они почти не отражены.

Отмеченный широкий подход Е. Иванца представляется весьма оправданным и ценным. Советская историография 20-х годов знает блестящий пример подобной широкой постановки вопроса и успешного его решения¹. Потом эта традиция была забыта и победила тенденция к узкой специализации. Лишь в последнее десятилетие некоторые исследователи возвращаются к широкому, комплексному обследованию старообрядческих поселений.

В соответствии с широким пониманием предмета своего исследования Е. Иванец успешно использует обширный круг разнообразных источников — печатных, рукописных, вещественных. Особенно следует отметить, что обширная этнографическая часть книги опирается на непосредственное знакомство автора с традиционными элементами материальной и духовной культуры старообрядцев. Почти 30 экспедиций Е. Иванца в старообрядческие районы Польши послужили прочным фундаментом исследованию и обусловили его несомненный успех. Важно, что это относится не только к этнографическим, но и к историческим разделам монографии: Е. Иванец неоднократно использует записанные им у населения исторические предания и воспоминания, умело сочетая их с данными письменных источников. Среди последних хочется особо отметить впервые вводимые в научный оборот материалы Главного архива древних актов в Варшаве, Библиотеки Чарторыйских в Кракове, Государственного архива Кракова, государственных архивов в Ольштыне и Сувалках, а также архивов ГДР. Широко использована и коллекция известного рижского собирателя И. Н. Заволоко, недавно переданная им в Пушкинский Дом.

Тщательное проработаны русские дореволюционные и советские издания письменных источников; библиография этих изданий в книге Е. Иванца, как и библиография исторических исследований по теме, имеет самостоятельное научное значение. Тем досаднее, что автору остались неизвестны некоторые дореволюционные исследования и издания источников (например, П. С. Смирнова, Д. Н. Беликова) и ряд последних работ московских и новосибирских этнографов и археологов. Между тем эти исследования дважды пересекаются тематически с кругом научных интересов Е. Иванца: археологи Московского государственного университета под руководством И. В. Поздеевой несколько лет ведут интенсивные комплексные исследования стародубского и ветковского старообрядчества, которому посвящена третья глава рецензируемой книги; археологи и этнографы Новосибирска уже около 12 лет работают среди алтайских «поляков» и забайкальских «семейских» — старообрядцев, переселившихся в XVIII в. из Польши.

Тщательное, очень внимательное к деталям исследование Е. Иванца будет весьма полезно советским исследователям, в частности, и потому, что позволяет наложить полученные ими материалы на материалы польских коллег. Этому способствует постоянное стремление Е. Иванца проследить как локальные, так и хронологические различия в материальной и духовной культуре старообрядцев. Так, он показывает, что поселившиеся на Мазурах старообрядцы дольше и полнее сохраняли многие архаические традиции, в том числе связанные с пищевыми запретами. Автор подробно исследует, как старообрядцы, поселившиеся в Сувалкском районе, где у польских крестьян было широко развито возделывание картофеля, быстро оставили традиционные запреты употреблять картофель и почти забыли, как их предки аргументировали эти запреты. Между тем эти аргументы хорошо помнили алтайские «поляки» еще в начале XX в., когда отказ от них активно обсуждался устно и письменно. Запрет на табак, по наблюдениям Е. Иванца, соблюдался у старообрядцев Августовского повята (южнее Сувалок) довольно строго, но характерно, что в последнее десятилетие этот запрет сочетается с расширяющимся возделыванием старообрядцами табака для фабрики в Августове, где работает немало старообрядцев. Старообрядцы, переселившиеся из Польши на Алтай и в Забайкалье, более последовательно придерживались этого запрета и аргументировали его сохранение более традиционно, чем это сделано в книге Е. Иванца. Можно отметить вместе с тем немало случаев полного совпадения обычаев, обрядов, трудовых навыков, соответствующей терминологии. Особенно это относится к интересным данным автора книги о жилище старообрядцев, их одежде, питании.

На редкость подробным и ценным является анализ духовной культуры старообрядцев обоих районов Польши, их обрядов и обычаев. Специалистам по малоизученной истории русской иконописи XVII—XVIII вв. будут интересны сведения об иконах русского письма в Польше, а также о местных старообрядческих иконописных школах (Ветка, Войново)

Посвященная всем этим проблемам интереснейшая VI глава монографии Е. Иванца может получить последовательное и логичное дополнение в материалах наблюдений миссионеров Тобольской консистории, посланных в 1783 г. к только что поселенным на Алтае «полякам»².

Несомненный интерес представляет раздел рецензируемой книги, посвященный книжной культуре русских старообрядцев в Польше. Здесь анализируется репертуар скриптория в Войнове, рассказывается о его инструментах и методах работы,

¹ Е. Бломквист, Н. Гринькова. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930.

² Н. Н. Покровский. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974, с. 323.

справедливо отмечается, что подобная картина наблюдалась и у старообрядцев³ на территории нашей страны. Важны также сведения о распространении книг Швайпольта Фиоля, Франциска Скорины, Ивана Федорова, а также продукции старообрядческих типографий XVIII—XIX вв. Но здесь предстоит сделать еще очень много.

Много внимания уделяется в рецензируемой монографии истории расселения старообрядцев в Польше. По сведениям Е. Иванца, в Польше накануне ее первого раздела находилось около 100 тыс. старообрядцев, а перед второй мировой войной — около 50 тыс. Русские этих районов помогали местному населению в борьбе с фашизмом. Их участию в Войске Польском, партизанских отрядах посвящены волнующие страницы книги.

Обширное исследование Е. Иванца не лишено некоторых недостатков. Неудачна, на наш взгляд, классификация письменных источников на рукописные и изданные, а последних — на четыре группы в зависимости от того, кто их издавал; типологическая классификация была бы удачнее. Социальное и политическое противопоставление беспоповщины и поповщины дается слишком категорично (правда, в соответствии со сложившейся историографической традицией), тогда как на деле, как нам кажется, картина была более сложной. Внутри каждого согласия были свои группы умеренных и радикальных. Не использованы автором две рукописи Егоровского собрания Отдела рукописей Государственной библиотеки им. Ленина, имеющие прямое отношение к теме.

В целом же книга Е. Иванца является очень хорошим примером удачного комплексного исследования польского старообрядчества, выполненного по широкой программе.

Н. Н. Покровский

---

³ Очень близкие параллели могут быть отмечены для одного засаянского скриптория, генетически связанного с Алтаем, см.: *Н. Н. Покровский* О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири.— «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы (Пушкинский дом)», т. 24, Л., 1969, с. 394—403.